

ЮРИЙ ЕМЕЛЬЯНОВ,
кандидат исторических наук

МИФЫ О ЧЕХОСЛОВАЦКОМ МЯТЕЖЕ

Вот уже полтора десятка лет после “бархатной революции” в Чехословакии расцветает настоящий культ “легионеров”, то есть солдат и офицеров чехословацкого корпуса, сыгравшего значительную роль в Гражданской войне в России 1918–1920 гг. В малых и крупных городах Чехии им воздвигнуты памятники. Им посвящены музейные экспозиции и специальные музеи. Чешские историки с негодованием отмечают обвинения в адрес “легионеров” и готовы часами рассказывать о благородных соотечественниках, которые, оказавшись в Сибири в разгар вооруженной борьбы, не только успешно боролись за свое выживание, но и занимались созидательной деятельностью: налаживали промышленное производство, особенно мотоциклов, помогали в России бедному люду. Участие же чехословаков в Гражданской войне, утверждают они, было малозначительным. К тому же оно было вызвано действиями русских, красных и белых, которые против воли легионеров втянули их в свои междоусобные разборки.

Впрочем, последнее утверждение поддерживают порой и в нашей стране. Так, подробно осветив ряд сторон пребывания чехословацкого корпуса в России в книге “Кто обворовал Россию?”, Владлен Сироткин упоминает “провокационную телеграмму Троцкого от 25 мая о принудительном и полном разоружении” чехословаков. Сироткин утверждал: “Чехам стало ясно, что пробиваться на Восток придется силой”. Тогда, мол, “хорошо вооруженная дивизия поручика Чечека подкатила из Пензы к Сызрани в эшелонах, без боя взяла город, переправилась по мосту через Волгу и триумфатором вошла 9 июня в Самару”.

К сожалению, эрудированный автор в данном случае изложил ход событий неточно. Выступление чехословаков началось не со взятия ими Самары. Не обеляя Троцкого и не снимая с него обвинения в склонности к провокаторству, надо всё же учесть, что его телеграмма была далеко не первым обращением советских властей к чехословакам с требованием разоружиться. Упустил В. Сироткин и многие важные события, предшествовавшие телеграмме Троцкого от 25 мая 1918 года и вызвавшие мятеж чехословацкого корпуса.

Но, может, на самом деле чехи и словаки, находившиеся в России в 1918–1920 годах, были людьми исключительно миролюбивыми, и лишь грубая провокация в мае 1918 года толкнула их на восстание? Прежде всего возникает вопрос: как чехословаки оказались в России? С одной стороны, известное число чехов и словаков издавна проживало в России. С другой стороны, 200 тысяч чехов и словаков оказались в России в 1914–1917 гг., будучи солдатами и офицерами австро-венгерской армии и попав в плен в ходе сражений Первой мировой войны.

После Февральской революции Чехословацкий национальный совет, созданный в Париже в 1915 году во главе с профессором Томашем Масариком,

принял решение организовать в России корпус, или легион. Предполагалось, что в его состав войдут чехи и словаки, постоянно проживавшие в России, а также те, кто был взят в русский плен.

В июне 1917 года Масарик, прибыв в Россию, занялся формированием двух дивизий корпуса, в рядах которых вскоре оказалось свыше 60 тысяч человек. Корпус был размещен на Левобережной Украине. Сначала было решено направить его во Францию, где уже находилось немало воинских частей из России. Но потом кто-то предложил, что корпус можно использовать как “военно-полицейскую силу” для наведения порядка в России. Кто выдвинул это предложение, до сих пор толком неясно.

Дело в том, что события, в которые оказались вовлеченными солдаты и офицеры чехословацкого корпуса, представляли собой запутанную цепь, отдельные звенья которой были выкованы в различных странах мира.

АНГЛИЙСКОЕ ЗВЕНО

В значительной степени чехословацкий корпус сыграл решающую роль в развязывании Гражданской войны и иностранной интервенции благодаря усилиям правительства Великобритании по установлению такого порядка в России, который бы устраивал Лондон.

Хотя Англия и Франция были союзниками России по блоку “Сердечного согласия”, или Антанты, они не испытывали к ней “сердечной” близости. Обе державы стремились использовать Россию в своих интересах и в то же время делали немало, чтобы навредить своему союзнику. С одной стороны, они рассматривали Россию как удобный противовес Германии и источник пушечного мяса. С другой стороны, каждая из этих стран не желала усиления России в ходе мировой войны. Как отмечал английский историк А. Дж. П. Тейлор, Франция всячески противодействовала планам расширения российских позиций за счет Османской империи, а “у англичан... были свои проблемы с Россией на Ближнем и Среднем Востоке”.

Ни Франция, ни Англия не желали сильной России, а поэтому в Лондоне приветствовали свержение самодержавия, увидев в этом событии свидетельство ослабления России. Министр иностранных дел Великобритании Бальфур так прокомментировал весть о Февральской революции в России: “Если удастся создать совершенно независимую Польшу... то можно будет полностью отрезать Россию от Запада. Россия перестанет быть фактором в западной политической жизни, или почти перестанет быть таковым”.

Несмотря на то, что Россия была союзницей стран Антанты, западные державы не спешили помогать русской армии, которая приняла на себя первый удар и фактически спасла Францию от разгрома осенью 1914 года. Позже тогдашний премьер-министр Великобритании Д. Ллойд-Джордж признавал: “Если бы французы со своей стороны выделили хотя бы скромную часть своих запасов орудий и снарядов, то русские армии, вместо того, чтобы быть простой мишенью для крупновских пушек, стали бы в свою очередь грозным фактором обороны и нападения... Пока русские армии шли на убой под удары превосходной германской артиллерии и не были в состоянии оказать какое-либо сопротивление из-за недостатка винтовок и снарядов, французы копили снаряды, как будто это было золото”.

Рост антивоенных настроений в России в 1917 году беспокоил Лондон. Желая по-прежнему гнать “на убой” русских солдат, английское правительство подготовило заговор, руководить которым должен был известный английский писатель и не менее известный разведчик Уильям Сомерсет Моэм. В автобиографии “Подводя итоги” и рассказах о разведчике Эшендене, в которых он описал собственную деятельность в годы Первой мировой войны, Моэм поведал о своем участии в организации во второй половине 1917 года заговора с целью осуществления государственного переворота в России.

Хотя Великобритания не была единственной страной мира, в которой отдельные писатели были по совместительству “рыцарями плаща и кинжала”, в этой стране раньше других сложилась традиция использовать авторов художественных произведений для тайного информирования правительства. Чтобы предотвратить новые революционные потрясения, вроде тех, что случились в Англии в XVII веке, правящие круги этой страны старались получить надежные

сведения о подспудных течениях в обществе, могущих дестабилизировать существовавший строй. Известно, что граф Оксфорд, влиятельный вельможа при дворе королевы Анны (1702–1714 гг.), писал: “Было бы крайне полезно иметь на стороне правительства скромного писателя хотя бы даже для точного изложения истины”. Справедливо рассудив, что острую наблюдательность писателя, его нешаблонный ум, способность найти ёмкие слова и яркие образы для изложения наблюдений и выводов можно использовать для получения своевременной и содержательной информации, глубоких и оригинальных суждений, граф привлек для конфиденциального информирования властей Даниеля Дефо и Джонатана Свифта. А вскоре создатель “Робинзона Крузо” организовал общенациональную систему слежки за настроениями в обществе, их анализа и принятия соответствующих ответных мер.

По мере расширения британских владений Лондон стал принимать меры, чтобы получить высококачественную информацию о том, что творилось на всей планете. Писатели использовались не только для сбора информации и ее аналитической обработки, но и для организации тайных операций, которые были возможны благодаря связям мастеров слова в различных общественных кругах многих стран земного шара, а также доверию к ним. Кто мог заподозрить в прославленном авторе популярных романов кадрового разведчика? Кроме Моэма в британской разведке подвизались Грэм Грин, Ян Флеминг и немало других видных авторов.

Возможно, что готовность писателей Альбиона превращаться в “штирлицев” объяснялась и романтическим ореолом, которым была всегда окружена разведка в этой стране. До сих пор Великобритания заметно опережает другие страны мира по тиражам “шпионских романов”. Сам Моэм объяснял свое согласие сотрудничать с военной разведкой Великобритании так: “Работа привлекала меня благодаря моей любви к романтике и в то же время из-за тяги к абсурдным и смешным ситуациям”. Судя по его автобиографии и его рассказам о разведывательной деятельности в России в 1917 году, писатель смог получить в избытке “романтику”, а также немало “абсурдных и смешных ситуаций”.

Говоря о своей поездке в Россию, которая началась в августе 1917 года с прибытия во владивостокский порт, Моэм писал: “Я направлялся как частный агент, которого при необходимости могли дезавуировать. Мои инструкции требовали, чтобы я вступил в контакт с силами, враждебными правительству, и подготовил план, который бы удержал Россию от выхода из войны”. До конца жизни Моэм был уверен, что “существовала известная возможность успеха, если бы я был направлен на шесть месяцев раньше”. По словам писателя, для реализации задания он имел “неограниченные денежные средства”. Моэма сопровождали “четыре преданных чеха, которые должны были действовать в качестве офицеров связи между мною и профессором Масариком, имевшим под своим командованием что-то около шестидесяти тысяч своих соотечественников в различных частях России”.

Руководство чехословацкого корпуса играло значительную роль в планах британской разведки, разработанных задолго до мая 1918 года и даже до установления Советской власти в октябре 1917 года. “Военно-полицейская” миссия, которую должен был выполнить чехословацкий корпус, означала не контроль за соблюдением порядка на улицах российских городов, а осуществление государственного переворота в интересах Великобритании.

Чехословацкий корпус был не единственной организованной силой, участвовавшей в исполнении замыслов Лондона. Моэм упоминает о своих постоянных контактах с вождем эсеровских террористов Борисом Савинковым. Беспощадный убийца произвел на Моэма неизгладимое впечатление – “один из самых поразительных людей, с которым я когда-либо встречался”. Очевидно, что вместе с Савинковым в организации заговора участвовали правые эсеры – его единомышленники. Поскольку же Савинков стал в 1917 году заместителем военного министра Временного правительства и комиссаром Юго-Западного фронта, он сблизился с Алексеевым, когда тот заменил Корнилова после его ареста на посту начальника Генерального штаба. Благодаря Савинкову Моэм смог привлечь к заговору и военных, которые затем возглавили Добровольческую армию.

Вполне возможно, что действия военных и политических организаций, если бы они выступили одновременно и согласованно, под единым командованием, могли бы изменить характер событий или, по меньшей мере, серье-

езно повлиять на их ход. Одной из причин провала заговора стала быстрая утрата управляемости России в 1917 году, чему не в малой степени способствовала спесивая самонадеянность главы Временного правительства.

Когда Моэм прибыл из Владивостока в Петроград, обстановка в стране была критической. «Дела в России ухудшались, – писал Моэм. – Керенский, глава Временного правительства, был снедаем тщеславием и увольнял любого министра, который, как ему казалось, представлял угрозу для его положения. Он произносил бесконечные речи. Нехватка продовольствия становилась все более угрожающей, приближалась зима, и не было топлива. Керенский произносил речи. Находящиеся в подполье большевики активизировались, Ленин скрывался в Петрограде, говорили, что Керенский знает, где он находится, но он не осмеливался арестовать его. Он произносил речи».

Англия решила свергнуть тщеславного болтуна и установить в России «твёрдую власть», необходимую ей для продолжения войны против Германии. В осуществлении этого замысла Моэм был не простым исполнителем, а инициативным организатором и вдохновителем политического заговора. Лаконично характеризует действия своего прототипа Эшендена, Моэм писал: «Составлялись планы. Принимались меры. Эшенден спорил, убеждал, обещал. Он должен был преодолеть колебания одного и бороться с фатализмом другого. Он должен был определить, кто был решительным, а кто самонадеянным, кто был искренним, а кто слабовольным. Ему приходилось сдерживать раздражение во время русского многословия, он должен был быть терпеливым с людьми, которые хотели говорить обо всем, кроме самого дела; он должен был сочувственно выслушивать напыщенные и хвастливые речи. Он должен был остерегаться предательства. Он должен был потакать тщеславию дураков и уклоняться от алчности корыстолюбивых и тщеславных. Время поджимало».

К концу октября 1917 года Моэм завершил свою работу по созданию мощной подпольной организации. Он отправил зашифрованный план государственного переворота в Лондон. Моэм утверждал, что «план был принят, и ему были обещаны все необходимые средства». Однако предприимчивый разведчик попал в цейтнот.

В значительной степени это было связано с тем, что правящие круги России проявляли патологическую неспособность к быстрым действиям даже во имя самосохранения. Моэм писал: «Бесконечная болтовня там, где требовались действия, колебания, апатия, когда апатия вела к разрушению, высокопарные декларации, неискренность и формальное отношение к делу, которые вызвали у меня отвращение к России и русским». «Отвращение» к власти имущим, перенесенное на страну и народ, помешало Моэму увидеть главные причины внутренней слабости верхов – их глубокий конфликт с народом, их неспособность выражать его интересы и действовать во имя народа.

Активности Моэма, беспощадности террориста и писателя Савинкова, деловой решимости руководителей чехословацкого корпуса и других участников заговора оказалось недостаточно. Им противостояла организованность большевистской партии во главе с В. И. Лениным. По свидетельству Моэма, в конце октября 1917 года «слухи становились все более зловещими, но еще более устрашающие параметры приобрела реальная активность большевиков. Керенский носился взад и вперед как перепуганная курица. И вот грянул гром. В ночь 7 ноября 1917 года большевики восстали... Министры Керенского были арестованы».

На другой же день после победы Октябрьской революции писателя предупредили, что большевики разыскивают тайного резидента Великобритании. (Еще 14 сентября И. В. Сталин в статье «Иностранцы и заговор Корнилова» обратил внимание на активное участие британских подданных в заговорщической деятельности на территории России.) Отослав зашифрованную телеграмму, вождь заговора срочно покинул Россию. Великобритания направила специальный боевой крейсер, чтобы вывезти своего шпиона из Скандинавии.

Профессиональный разведчик многое скрыл в своих свидетельствах. А потому до сих пор не ясно, какую роль должны были сыграть Савинков и его люди, что надо было делать военным руководителям России, какую миссию обязан был выполнить чехословацкий корпус. Но прежде всего возникают вопросы: «Почему, если «время поджимало», британский разведчик в сопровождении четырех чехословаков из окружения Масарика прибыл в Петроград

не через Северное море и Скандинавию (что заняло бы несколько дней), а решил сначала проехать по Атлантическому океану в США, затем пересечь Американский континент, Тихий океан, российский Дальний Восток, Сибирь, Урал и так далее (на что ушло более месяца)? Почему, рискуя попасть в цейтнот (и, в конечном счете, попав в него), Моэм и его спутники избрали столь длинную дорогу в Россию?”

АМЕРИКАНСКОЕ ЗВЕНО

США и Сибирь в маршруте Моэма и его чешских спутников в ходе их поездки 1917 года вряд ли возникли случайно. Еще до начала Первой мировой войны США заняли ведущее место в мировой экономике. Нажившись на поставках воюющим державам в годы Первой мировой войны, а затем вступив в боевые действия на стороне Антанты в апреле 1917 года, США исходили из того, что без учета их мнения не могут решаться важнейшие международные вопросы, в том числе и судьба России. Следует также учесть, что к середине 1917 года роль США в российских делах невероятно возросла, а американский интерес к Сибири значительно усилился.

Еще накануне Первой мировой войны резко активизировалась деятельность американских предпринимателей в России. Будущий президент США Герберт Гувер стал владельцем нефтяных компаний в Майкопе. Вместе с английским финансистом Лесли Урквартом Герберт Гувер приобрел концессии на Урале и в Сибири. Стоимость только трех из них превышала 1 миллиард долларов (тогдашних долларов!).

Первая мировая война открыла новые возможности для американских капиталов. Втянувшись в тяжелую и разорительную войну, Россия искала средства и товары за рубежом. Их могла предоставить не участвовавшая в войне Америка. Если до Первой мировой войны капиталовложения США в России составляли 68 миллионов долларов, то к 1917 году они возросли многократно. Резко возросшие в годы войны потребности России в разных видах продукции вызвали быстрый рост импорта из США. В то время как экспорт из России в США с 1913 по 1916 год упал в 3 раза, импорт американских товаров возрос в 18 раз. Если в 1913 году американский импорт из России был несколько выше ее экспорта из США, то в 1916 году американский экспорт превышал российский импорт в США в 55 раз.

Наша страна все в большей степени зависела от американского производства.

В марте 1916 года послом США в России был назначен банкир и хлеботорговец Дэвид Фрэнсис. Сразу же после Февральской революции Фрэнсис от имени правительства США предложил России заем в 100 миллионов долларов. Одновременно, по договоренности с Временным правительством, в Россию была направлена из США миссия “для изучения вопросов, имеющих отношение к работе Уссурийской, Восточно-Китайской и Сибирской железных дорог”. В середине октября 1917 года был сформирован так называемый “Русский железнодорожный корпус”. “Русский” корпус состоял только из американцев. В 12 его отрядах находилось 300 железнодорожных офицеров, механиков, инженеров, мастеров, диспетчеров, которые должны были быть размещены между Омском и Владивостоком. Как подчеркивал советский историк А. В. Березкин, “правительство США настаивало на том, чтобы присылаемые им специалисты были облечены широкой административной властью, а не ограничивались бы функциями технического наблюдения”. Фактически речь шла о передаче значительной части Транссибирской железной дороги под американский контроль.

Октябрьская революция помешала осуществлению этих планов, и хотя 14 декабря 1917 года “Русский железнодорожный корпус” в составе 350 человек прибыл во Владивосток, через три дня он отбыл оттуда в Нагасаки.

А вскоре американцы появились на севере Европейской территории России, на мурманском побережье. 2 марта 1918 года председатель Мурманского Совета А. М. Юрьев дал согласие на высадку английских, американских и французских войск на побережье под предлогом защиты Севера от немцев. 18 апреля 1918 года состоялось заседание Мурманского Совета, на котором представители интервентов выступили с декларациями о целях своего пребывания на Севере России.

Всего в 1918–1919 гг. на севере страны высадилось около 29 тысяч англичан и 6 тысяч американцев. Заняв Мурманск, интервенты двинулись на юг. 2 июля они взяли Кемь. 31 июля – Онегу.

К этому времени в США были обнародованы широкие планы покорения России. В американской печати 1918 года открыто раздавались голоса, предлагавшие правительству США возглавить процесс расчленения страны. Сенатор Поиндекстер писал в “Нью-Йорк таймс” от 8 июня 1918 года: “Россия является просто географическим понятием, и ничем больше никогда не будет. Ее сила сплочения, организации и восстановления ушла навсегда. Нация не существует”. 20 июня 1918 года сенатор Шерман, выступая в конгрессе США, обратил особое внимание на необходимость воспользоваться случаем для покорения Сибири. Сенатор заявлял: “Сибирь – это пшеничное поле и пастбища для скота, имеющие такую же ценность, как и ее минеральные богатства”.

Учитывая американский интерес к богатствам Сибири и наличие договоренности с Временным правительством об установлении контроля Штатов над Транссибирской железной дорогой, можно предположить, что по согласованию с Лондоном Моэм и четыре чехословака в ходе проезда от Владивостока в Петроград выполняли разведывательное задание в интересах США, где они только что побывали.

ЧЕХОСЛОВАКИ В ЦЕПИ ИНТРИГ ПРОТИВ РОССИИ

Приход большевиков к власти в Петрограде, а затем и в других городах России сорвал планы Моэма, но не уничтожил звенья цепи, выкованные государствами Антанты. На совещании представителей стран Антанты, состоявшемся в Яссах с 1(14) по 10(23) ноября 1917 года, участвовали и представители чехословацкого корпуса. Чехословакам был задан вопрос: могут ли они взять под свой контроль области между Доном и Бессарабией? Возможно, речь шла и об установлении чехословацкого контроля над другими районами России.

На совещании была создана комиссия Антанты для решения “русского вопроса” под руководством французского генерала Жанена, который затем возглавил силы интервентов в Сибири. В состав комиссии вошли будущий президент Чехословакии Э. Бенеш и будущий министр обороны Чехословакии Штефаник. Так чехи стали соучастниками “решений” по “русскому вопросу”. О том, что эти решения предполагают вооруженное выступление, следовало из письма Бенеша Масарику от 28 февраля 1918 года. В нем он сообщал, что французская военная миссия дала указание советовать чехословацким военнопленным вступать в “легион” и выжидать часа выступления.

Тем временем германские войска, воспользовавшись срывом Л. Д. Троцкого Брестских мирных переговоров (здесь-то на самом деле проявилось его провокаторство!), быстро продвигались по Украине. Спешно сформированные советские войска вновь созданной Донецко-Криворожской республики оказывали посильное сопротивление немцам. В районе Бахмача оборону держал чехословацкий корпус. Однако, как только кайзеровская армия подошла к позициям чехословаков, те вступили в переговоры с немцами, а затем покинули фронт, образовав брешь в советской обороне. При этом чехословаки сумели довольно резко переместиться из Бахмача под Пензу.

Еще в феврале советское правительство вело переговоры с руководством чехословацкого корпуса, в ходе которых было решено помочь перевезти чехов и словаков во Францию. До сих пор неясно, кто внес предложение переправлять корпус через Сибирь, а далее морским путем в Западную Европу. Хотя очевидно, что любой путь в объезд Центральных держав был не ближним, все же дороги через Каспий и Персию или через Скандинавию и Северное море, и даже через Баренцево море были бы короче. Однако именно о сибирском маршруте шла речь в соглашении между руководством корпуса и советскими властями, достигнутом 26 марта 1918 года.

Одновременно советские представители на переговорах с чехословаками настаивали на том, чтобы из корпуса были удалены русские офицеры, занимавшие враждебную позицию к новой власти. Кроме того, чехи и словаки должны были ехать в поездах не как военнослужащие, а как частные лица. Советские власти также требовали разоружения корпуса, хотя и признали, что небольшое количество оружия для личной безопасности legionерам можно

иметь. Хотя эшелоны с чехословаками уже двинулись по Транссибирской дороге, споры по поводу того, сколько оружия можно им иметь, продолжались.

За передвижением эшелонов и спорами по поводу оружия у чехословаков внимательно следили западные державы. В апреле и мае 1918 года в Москве состоялись секретные совещания представителей стран Антанты, на которых уточнялись детали выступления чехословацкого корпуса. В мае 1918 года Фрэнсис писал своему сыну в США: “В настоящее время я замышляю... сорвать разоружение 40 тысяч или больше, чехословацких солдат, которым советское правительство предложило сдать оружие”. Обсуждая планы использования чехословацкого корпуса, государственный секретарь США Лансинг писал президенту США Вильсону: “Разве невозможно среди этих искусных и лояльных войск найти ядро для военной оккупации Транссибирской железной дороги?”

К этому времени чехословацкий корпус был разделен на четыре группы: пензенская, челябинская, сибирская (она находилась в эшелонах на Транссибирской дороге от Кургана до Иркутска) и дальневосточная (уже прибывшая в район Владивостока). В корпусе упорно распространялись слухи, что чехов и словаков везут на каторгу в Сибирь. А так как 90% солдат были крестьянами, не слишком хорошо разбиравшимися в российских делах, то этим слухам многие верили.

Утверждают, что непосредственным поводом для вооруженного выступления чехословаков послужило их столкновение с бывшими венгерскими военнопленными (а не телеграмма Троцкого). Но очевидно, что мятеж был заранее и тщательно подготовлен. 25 мая сразу же после начала мятежа чехословаки захватили Новониколаевск (Новосибирск). 26 мая ими был взят Челябинск. Затем – Томск, Пенза, Сызрань. В июне чехословаки овладели Курганом, Иркутском, Красноярском, а 29 июня – Владивостоком.

В считанные недели 45 или 50 тысяч представителей малых народов Центральной Европы взяли под свой контроль обширные территории Заволжья, Урала, Сибири и российского Дальнего Востока. А вскоре чехословацкий корпус стал ударной силой в продвижении белых армий на запад к Москве. Не случайно 20 июля 1918 года в своем распоряжении о немедленной мобилизации рабочих Петрограда на Восточный фронт В. И. Ленин предупреждал: “Иначе мы слетим. Положение с чехословаками из рук вон плохо”.

Даже через полгода, после многочисленных боев и понесенных потерь, чехословацкие войска под командованием Гайды сумели нанести красным ощутительный удар, взяв Пермь. Это событие было названо в Москве “пермской катастрофой”, и для ликвидации ее последствий на фронт срочно отбыла целая комиссия во главе с членом Реввоенсовета Республики И. В. Сталиным и председателем ВЧК Ф. Э. Дзержинским.

Ныне в Чехии стараются преуменьшить роль корпуса в военных операциях, ссылаясь на его малочисленность. Действительно, во время взятия ими Казани 6–7 августа у чехословаков было лишь 1200 человек и 4 артиллерийских орудия. Но следует учесть, что значительно хуже обученных и слабее вооруженных красноармейцев было не более 1200 человек и у них было также 4 артиллерийских орудия. Почему же Советская Республика в 1918 году не располагала многочисленным войском, чтобы защитить Казань?

ПОБЕДЫ ЧЕХОСЛОВАКОВ И ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Существует расхожее представление о том, что главной чертой любой гражданской войны является раскол общества на две более или менее равные части, когда “брат идет на брата”. На самом деле опыт любой гражданской войны показывает, что её главной чертой является паралич сложившихся механизмов государственного управления, экономической, социальной и общественной жизни, в результате чего ни одна из противоборствующих сторон не в состоянии мобилизовать хотя бы значительную часть военных, экономических, социальных и духовных ресурсов общества. На стороне двух противоборствующих сторон выступает лишь меньшинство населения страны, а большинство занимает нейтральную, колеблющуюся позицию.

В то же время хозяйственный упадок, переживаемый страной в период гражданской войны, ставит сражающиеся войска в такое положение, что они

вынуждены прибегать к откровенному грабежу для обеспечения себя всем необходимым. Картины, когда “белые придут – грабят, красные придут – грабят”, типичны для любой гражданской войны. Все эти черты междоусобицы проявились и в ходе Гражданской войны в России 1918–1920 годов.

Как это всегда бывало во время гражданских войн, большинство населения России, парализованное военными действиями и общим хаосом, воздерживалось от активного участия в войне и превращалось в пассивных наблюдателей происходящих событий, молча перенося тяготы общественной катастрофы или открыто проклиная обе воюющие стороны. Поскольку, как это обычно бывает в периоды революций, лишь меньшинство общества принадлежало к “большевикам” или “кадетам”, то добровольческие соединения “белых” и “красных”, особенно в начале Гражданской войны, были намного меньше, чем численность царской армии. Если до начала мировой войны в российской армии служило 1284 тысячи человек, а к концу 1917 года – около 12 миллионов, то к началу Гражданской войны в рядах Красной Армии вместе с внутренними формированиями насчитывалось лишь 116 тысяч пехотинцев и 7940 кавалеристов. Нельзя было и думать, чтобы с помощью такой армии защитить просторы одной шестой части света от внешнего нападения и обеспечить порядок в ее пределах.

Когда войска генерала Н. Н. Юденича наступали на Петроград, по распоряжению И. В. Сталина от 19 мая 1919 года была проведена мобилизация среди питерских рабочих в возрасте от 18 до 40 лет, в ходе которой в Красную Армию было зачислено 13 тысяч человек. Нелишне напомнить, что во время наступления немцев на Ленинград в 1941 году только добровольцами на фронт пошло свыше 300 тысяч ленинградцев, не считая тех, кто был мобилизован. Совершенно очевидно, что призывы Советской власти в годы Гражданской войны не вызвали столь глубокого отклика в сердцах большинства населения страны. Не смогли найти массовую поддержку и белые части, наступавшие на Петроград. Северный корпус Юденича насчитывал лишь 6 тысяч штыков и сабель. Сталин имел основания говорить, что у белых армий не было людских резервов и они могли рассчитывать лишь на помощь Эстонии и Финляндии.

В то же время хозяйственный развал общества ставил в невыносимые условия и сражавшиеся армии. Летом 1919 года в период наиболее напряженных боев общие запасы винтовочных патронов в красных армиях Южного фронта составляли около 4 миллионов. Ветеран Первой мировой войны полковник царской армии Н. Е. Какурин в этой связи отмечал: “Следует иметь в виду, что в период империалистической войны один пехотный полк в день горячего боя расходовал до 2,5 миллиона винтовочных патронов”. Говоря об отступлении красных частей и членов семей красноармейцев к Царицыну весной 1918 года, С. М. Буденный писал: “Части дивизии терпели невероятные лишения. Не хватало продовольствия, воды, медикаментов... Свиристествовали инфекционные болезни, вплоть до холеры”.

Эти описания лишений и страданий, которые испытывали бойцы Красной Армии, практически не отличались от воспоминаний белых офицеров. Западные страны, поддерживавшие белые армии, в то же время опасались создания “России великой, единой, неделимой”, а потому не спешили оказывать обильную помощь белым генералам. Вспоминая годы Гражданской войны, бывший поручик Добровольческой армии В. Д. Матасов писал: “Мы были очень бедны, а союзники не очень щедры. Очень скоро они постарались забыть, что Россия для них сделала за 3 года войны... Скучная помощь снаряжением оказывалась только англичанами. Франция же, видимо, совсем не была заинтересована в победе белых сил и позаботилась только о Польше. Позднее, уже в 1920 году... мы увидели польское воинство одетыми с головы до ног во французскую форму...” Впрочем, и английская помощь не была щедрой. Матасов вспомнил лишь “отличные английские седла с потниками, некоторое количество рейтузов, фуражки и красные шейные платки. Все остальное обмундирование было русское из каких-то интендантских складов и довольно ветхое, вероятно второго срока”. Поэтому, по его словам, белые шли в сражениях “плохо одетые, не имея ни базы, ни снабжения, ни средств и почти без патронов, которые нужно было добывать с боем у красных... Почти не было ни инструментов, ни медикаментов, ни перевязочных средств... Раненые испытывали невероятные страдания, умирали от заражения крови даже легкораненые”.

Недостаточное число плохо вооруженных, плохо экипированных, полугодных и часто больных солдат не могло прикрывать растянутые фронты. Вся Донская армия генерала П. Н. Краснова насчитывала 27 тысяч штыков, 30 тысяч сабель, 175 орудий. При этом от трети до половины этой армии действовало на Поворинско-Воронежском направлении (здесь общая длина фронта достигала 300 км). Белым силам на Царицынском фронте длиной примерно в 170 км противостояли части Красной Армии, насчитывавшие 35 тысяч штыков, 3 тысячи сабель, около 100 орудий. Они представляли собой разрозненные отряды, лишенные централизованного командования. (Для сравнения: в ходе Ляоянского сражения 1905 года на фронте в 60 км 152 тысячам русских противостояло 130 тысяч японцев; у русских было 606 орудий, у японцев – 508 орудий.)

В таких условиях позиционная война, которая велась русскими армиями в 1914–1917 и в 1904–1905 годах, стала невозможной, а военные действия приобрели маневренный характер. Об этом впоследствии писал С. М. Буденный: “Это была война на широких просторах с весьма условной линией фронта, бои велись за наиболее важные города, железнодорожные узлы, села; всегда существовала возможность обхода, охвата, удара по флангам и тылам”. Поэтому в воспоминаниях о Гражданской войне немало рассказов о том, как белые или красные неожиданно врываются в города, села и на железнодорожные станции, где и не подозревали о такой возможности, захватывая врасплох части противника. Порой бывало так, что белые или красные солдаты и даже их командиры внезапно появлялись с гранатой или револьвером в руках в штабном вагоне противника и принуждали своих растерявшихся врагов к сдаче.

В этих условиях любое вооруженное формирование, действовавшее дерзко и решительно, могло взять под свой контроль целые области великой страны. Даже анархистская “Революционно-повстанческая армия Украины” во главе с Н. И. Махно, насчитывавшая в период своего максимального подъема не более 50 тысяч человек, могла без особого труда держать в страхе весь юг Украины. Даже 4-тысячная “Белая гвардия”, состоявшая главным образом из кадровых офицеров, смогла овладеть весной 1918 года частью Северного Кавказа.

Удивительно ли, что хорошо организованный и дисциплинированный корпус, сохранивший немало оружия (отличающиеся природной хитростью чехи и словаки сумели без труда утаить от не слишком внимательных советских инспекторов оружие, в том числе и артиллерию), смог взять под свой контроль огромные просторы России?

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ МЯТЕЖ — СИГНАЛ ДЛЯ НАЧАЛА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Мины, заложенные Моэмом осенью 1917 года в России, к лету 1918 года были готовы к приведению в действие. Как свидетельствовали воспоминания руководителя чехословацкого корпуса, они продолжали поддерживать хорошо законспирированные связи с правыми эсерами. К этому времени Савинков сумел создать подпольный “Союз защиты родины и свободы” при участии сотен офицеров царской армии. “Союз” объединял войсковые части, разбитые для конспирации на группы по 5–6 боевиков. Крупные формирования имелись в Москве, Казани, Костроме, Ярославле, Рыбинске, Калуге и других городах. После того, как Моэм отбыл из России, финансовое обеспечение Савинкова и его сторонников перешло к послу Франции Ж. Нулансу. В отличие от Моэма, посол был скуп, и “Союз” постоянно нуждался в средствах. Однако руководство чехословацкого корпуса проявило большую щедрость, поделившись с савинковцами деньгами, которые они получали от Англии и Франции. Когда члены “Союза” сидели на полугодном пайке, деньги им доставил ближайший помощник Масарика И. Клецанда. По свидетельству одного из заговорщиков – Дерентала, эти денежные поступления “сразу позволили повести дело на широкую ногу”.

Но поскольку Нуланс оставался главным источником финансовых средств, на которые существовали члены “Союза”, Савинков подчинился его

воле, когда французский посол стал настаивать на том, чтобы в начале июля началось восстание в Ярославле и Рыбинске. Савинков пробовал возражать, исходя из того, что в этих городах у “Союза” были сравнительно слабые организации, и настаивал на том, чтобы первыми выступили члены “Союза” в Калуге. Однако Нуланс стоял на своем, так как полагал, что в начале июля в Архангельске высадится десант союзников и восстание в Ярославле откроет путь интервентам к Москве.

6 июля под руководством Савинкова начался мятеж правых эсеров в Ярославле. Ход мятежа показал наличие организационных связей савинковцев не только с чехословаками, но и с “Белой гвардией”, выступившей на юге страны. В своем первом приказе по городу мятежный полковник Перхуров сообщал о том, что он действует “на основе полномочий, данных главнокомандующим Добровольческой армии, находящейся под верховным главнокомандованием генерала Алексеева”. Очевидно, что связи, установленные еще в ходе заговора Моэма, продолжали действовать.

Дальнейшие события показали, что Нуланс ошибся: десант союзников в Архангельске произошел лишь в начале августа, а мятеж “слабых” организаций “Союза” в Ярославле, Рыбинске и Ростове был подавлен через 16 дней. Однако савинковским мятежом выступления против Советской власти не ограничились. В стране началась полномасштабная война между белыми и красными.

Кроме того, мятеж чехословацкого корпуса послужил удобным предлогом для дальнейшего развертывания интервенции стран Антанты в России. Союзники объявили, что надо спасать чехов и словаков от большевиков. 29 июня, в день, когда чехословаки заняли Владивосток, туда прибыли также английские и японские войска.

2 июля 1918 года в Париже состоялось заседание Верховного военного совета Антанты, принявшего решение активизировать интервенцию в Сибири. 6 июля в Вашингтоне на совещании военных руководителей страны с участием государственного секретаря Лансинга был обсужден вопрос об отправке 7 тысяч американских войск во Владивосток на помощь чехословацкому корпусу, которого якобы атаковали части из бывших австро-венгерских пленных. Было принято решение: “Высадить имеющиеся в распоряжении войска с американских и союзных военных кораблей с целью закрепить во Владивостоке и оказать содействие чехословакам”.

6 июля Владивосток был объявлен под международным контролем держав Антанты. 3 августа военный министр США отдал распоряжение направить во Владивосток части 27-й и 31-й американских пехотных дивизий, которые до этого несли службу на Филиппинах. Эти дивизии прославились своими злодеяниями во время подавления восстания народа моро в этой стране. В тот же день была опубликована декларация США и Японии, в которой говорилось, что “они берут под защиту солдат чехословацкого корпуса”. Такие же обязательства взяли на себя в соответствующих декларациях правительства Франции и Англии. А вскоре на защиту чехов и словаков выступили 120 тысяч иностранных интервентов, прибывших во Владивосток. Помимо американцев, англичан, японцев и французских, здесь были канадцы, итальянцы, сербы и поляки.

Все это воинство было якобы призвано для того, чтобы “спасти” “мирных” чехов и словаков не то от венгров, не то от большевиков. Но вскоре стало ясно, что прибывшие войска не намерены уходить из Владивостока, даже после того, как путь чехам и словакам для переезда во Францию был открыт. На самом же деле чехи и словаки открыли путь ордам интервентов для разграбления России. В декабре 1918 году на совещании Государственного департамента США была намечена программа “экономического освоения” России, предусматривавшая вывоз из нашей страны 200 тысяч тонн товаров в течение первых трех-четырех месяцев. В дальнейшем темпы вывоза из России товаров в США должны были возрасти.

А на севере страны, по подсчетам А. В. Березкина, “только льна, кудели и пакли американцы вывезли 353 409 пудов (в том числе одного льна 304 575 пудов). Они вывозили меха, шкуры, поделочную кость и другие товары”. Управляющий канцелярией Отдела иностранных дел белого правительства Чайковского, сформированного в Архангельске, жаловался 11 января 1919 года генерал-квартирмейстеру штаба главнокомандующего, что “после ограбления края интервентами не осталось никаких источников для получения валюты, за

исключением леса, что же касается экспортных товаров, то всё, что имелось в Архангельске на складах, и все, что могло интересовать иностранцев, было ими вывезено в минувшем году почти что безвалютно примерно на сумму 4 000 000 фунтов стерлингов”.

На Дальнем Востоке американские интервенты вывозили лес, пушнину, золото. Помимо откровенного грабежа, американские фирмы получили разрешение от правительства Колчака совершать торговые операции в обмен на кредиты от банков “Сити бэнк” и “Гаранти траст”. Только одна из них – фирма Эйрингтона, получившая разрешение вывозить пушнину, отправила из Владивостока в США 15 730 пудов шерсти, 20 407 овечьих шкур, 10 200 крупных сухих кож. Из Дальнего Востока и Сибири вывозили все, что представляло хотя бы какую-нибудь материальную ценность.

Одновременно разрабатывались планы порабощения России. Как свидетельствует записка Вудро Вильсона государственному секретарю Роберту Лансингу от 20 ноября 1918 года, в это время президент США исходил из необходимости “расчленения России по крайней мере на пять частей – Финляндию, Балтийские провинции, Европейскую Россию, Сибирь и Украину”.

Там, где интервенты успели взять под контроль российские земли, они установили режим террора. На оккупированном севере Европейской территории России были созданы концентрационные лагеря. 52 тысячи человек, то есть каждый шестой житель оккупированных земель, оказался в тюрьмах или лагерях. Узник одного из таких лагерей врач Маршавин вспоминал: “Измученных, полуголодных, нас повели под конвоем англичан и американцев. Посадили в камеру не более 30 квадратных метров. А сидело в ней более 50 человек. Кормили исключительно плохо, многие умирали с голоду... Работать заставляли с 5 часов утра до 11 часов ночи. Сгруппированных по 4 человека нас заставляли впрягаться в сани и возить дрова... Медицинская помощь совершенно не оказывалась. От избиений, холода, голода и непосильной 18–20-часовой работы ежедневно умирало 15–20 человек”. Оккупанты расстреляли 4000 человек по решению военно-полевых судов. Немало людей было уничтожено без суда.

Столь же жестоко действовали американцы и на Дальнем Востоке. В ходе карательных экспедиций против жителей Приморья и Приамурья, поддерживавших партизан, только в Амурской области американцами было уничтожено 25 сел и деревень. При этом американские каратели, как и прочие интервенты, а также их русские пособники подвергали захваченных ими партизан и их сторонников жестоким пыткам и казням.

Историк Ф. Ф. Нестеров в своей известной книге “Связь времен” писал, что после падения Советской власти на Дальнем Востоке, “сторонников Советов всюду, куда доставал штык заокеанских “освободителей России” и казачья шашка, кололи, рубили, расстреливали партиями, вешали, топили в Амуре, увозили в пыточных “поездах смерти”, морили голодом в концлагерях”. Рассказав о крестьянах зажиточного приморского села Казанка, успешно торговавших на рынках пушниной и отнюдь не собиравшихся выступить за Советскую власть, Нестеров показал, как постепенно менялись их настроения под воздействием впечатлений о действиях интервентов и поддерживавших их казаков. На рынках жители Казанки выслушивали “рассказы соседей по прилавку о том, что на прошлой неделе американский матрос в порту застрелил русского мальчика, что несколько японцев на глазах у всех среди бела дня забили прикладами до смерти дряхлого старика корейца, что местные жители должны теперь, когда в трамвай входит иностранный военный, вставать и уступать ему место, что по селам, где располагаются японские гарнизоны, расклеены распоряжения комендатуры, предписывающие русским при встрече с японцем остановиться, снять шапку, поклониться и сказать “здравствуйте!”, что радиостанция на Русском острове передана американцам, что склады казенного имущества перевозятся в Японию, что в Хабаровске ежедневно расстреливают десятки пленных красногвардейцев, что по ночам желтый поезд Калмыкова останавливается на мосту через Амур, и там личная охрана атаманов кавказскими кинжалами и шашками рубит и сбрасывает в реку заключенных, которых устала пытать”. В конечном счете жители Казанки, как и большинство русских людей в те годы, не выдержали унижения национального и человеческого достоинства, творимого интервентами и их пособниками, и поддержали партизан Приморья.

Но, может быть, чехи и словаки никого не унижали и не оскорбляли, не грабили и не убивали?

РОЛЬ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ЛЕГИОНЕРОВ В РАЗОРЕНИИ И РАЗГРАБЛЕНИИ РОССИИ

Рассказывая о борьбе против “белочехов”, командир 24-й Самаро-Симбирской железной дивизии Г. Гай вспоминал о том, что чехословаки взяли Пензу 29 мая 1918 года, но были выбиты оттуда через пару дней. Когда красноармейцы вошли в Пензу, они обнаружили, что предприимчивые “братья славяне” сумели вывезти из города все, что можно было оттуда забрать. В последующем подобные картины повторялись.

Не ограничивали себя чехословаки и человеколюбивыми нормами обращения с теми, кого они считали нелояльными к их присутствию. Сразу после захвата Самары чехословаки устроили концентрационный лагерь под открытым небом. Тысячи жителей Самары были согнаны на огороженное колючей проволокой поле в нескольких километрах от города. Там они были вынуждены проводить день и ночь под открытым небом. Их морили голодом и избивали.

Вслед за захватом любого города в окрестные деревни направлялись отряды чехословаков, которые грабили и разоряли крестьянские хозяйства. Особенно зверствовали legionеры на Дальнем Востоке, где множество мирных деревенских жителей было ими расстреляно. Крестьянские дома грабили и сжигали.

Кстати, жестоко расправлялись legionеры и со своими соотечественниками, которые не желали становиться соучастниками преступлений против мирного населения. Таких расстреливали на месте. И все же около 3 тысяч legionеров покинули ряды корпуса и присоединились к красным.

Чехословацкие legionеры ничем не отличались от других интервентов в своих грабежах, насилиях, убийствах, но они сумели существенно опередить многих по масштабу грабежей. Если американцы не брезговали паклей и измеряли разграбленную шерсть в тысячах пудов, то чехословаки измеряли тысячами пудов драгоценные металлы, захваченные ими в Казани 7 августа, где находилась часть золотого запаса России. По сведениям советских историков Гражданской войны, чехи и словаки захватили 43 тысячи пудов золота, 30 тысяч пудов серебра, много платины, большое количество кредитных знаков и процентных бумаг.

В дальнейшем, как указывал В. Сироткин, чехословаки “обеспечивали охрану” этих ценностей “при перевозке и стоянках от Самары до Челябинска (а затем до Красноярска и Иркутска в декабре 1919 года – марте 1920 г.), и именно официальные представители “чеховоиск” подписывали протоколы о сдаче остатков “казанского клада” коалиционному политцентру Иркутска, который уже на последнем этапе (18 марта 1920 г.) окончательно передал “золотой эшелон” его командиру – большевику-чекисту Косухину, а тот в конце концов и доставил этот эшелон 3 мая 1920 г. в Казань”.

Следует сказать, что к началу 1920 года руководители чехословацкого корпуса увидели, что белое движение, с которым они до сих пор сотрудничали, стало терпеть одно поражение за другим. Поэтому они решили выйти из игры. 6 января 1920 года чехословаки задержали адмирала Колчака, которого так активно поддерживали после его прихода к власти, а затем передали его большевикам 16 января. Вскоре они подписали соглашение с советскими властями о выезде из России, предварительно сдав вагоны с драгоценными металлами.

На последнее обстоятельство обращают внимание адвокаты чешских legionеров, уверяя, что те, подержав золото, серебро и прочее в течение почти двух лет, всё вернули назад до последнего слитка и последнего кредитного знака. Однако Владлен Сироткин имел основания сомневаться в справедливости этих утверждений. Он указывал на то, что после возвращения в Казань выяснилось, что “казанский клад” заметно “похудел” – на целых 27 пульмановских четырехосных вагонов из тех 40, что были загружены полностью на момент отправки золота из Самары в конце сентября 1918 г.”.

Историк подробно рассказал о дискуссиях, которые до сих пор не прекращаются вокруг “этих “недостач” в миллионы золотых рублей”. При этом Сирот-

кин сослался на некоего Д. Мейснера, который вспоминал: “Чехословацкие легионеры вывезли из России немало золота... Тогда же на одной из главных улиц Праги было построено огромное здание нового “Легио-банка”. Все знали, что и само здание, и средства банка обязаны существованием все тому же золоту”. Сослался историк также на статью бывшего министра финансов в правительстве Колчака В. Новицкого, воспоминания колчаковского генерала К. В. Сахарова, публикацию В. Зензинова, работу Г. К. Гинса, в которых также утверждалось, что чехословацкие легионеры изрядно поживились за счет российского золота. Привел Сироткин и слова начальника финансовой службы чехословацкого корпуса Ф. Шипа, который признал, что, еще находясь в России, он ставил вопрос о возможности использовать значительную часть золотого запаса “как основу для печатания чехословацких денежных знаков”.

Подозрения в том, что быстрый экономический подъем Чехословакии и ее последующее сравнительное процветание после 1918 года во многом объяснялись использованием украденного в России золота, существуют до сих пор.

Но, разумеется, уроном от хищения части золотого запаса чехословацкими легионерами не исчерпывается тот ущерб, который был ими нанесен нашей стране в 1918–1920 годах. Нет сомнения в том, что огромную ответственность за зверства и грабежи интервентов, разорение страны и гибель 10 миллионов людей в 1918–1920 годах несут легионеры, открывшие путь Гражданской войне и иностранной интервенции. За 1918–1920 годы промышленность и сельское хозяйство страны были отброшены на многие десятилетия назад.

Заявления о том, что, открыв где-то в Сибири пару мастерских по ремонту мотоциклов, чехословаки “наладили промышленное производство страны”, нелепы. Да и как могли организовать промышленное производство солдаты, 90% которых составляли крестьяне? Зато есть неопровержимые доказательства того, что сделали они для разрушения промышленности и сельского хозяйства России. По подсчетам Наркомфина СССР 1925 года, общая сумма ущерба народному хозяйству страны от иностранной интервенции составила свыше 50 миллиардов золотых рублей. По тем же подсчетам, ущерб, нанесенный нашей стране хозяйничаньем только чехословаков, составил около 10 миллиардов рублей, то есть на их долю приходится пятая часть ущерба, понесенного Россией в 1918–1920 годах.

Теперь, когда в Чехии разорители и грабители объявлены национальными героями, а эта страна присоединяется к хору малых государств Европы, требующих от России несметных компенсаций за “урон”, который они якобы понесли за годы “коммунистической власти”, нелишне напомнить подлинные факты о том, что творили легионеры “чехословацкого корпуса” в 1918–1920 годах на просторах нашей Родины.